28. the Treasury shall prepare, for each financial year, a set of accounts for a group of bodies which, it appears to the Treasury, exercise functions of a public nature and are entirely or substantially funded from public money.

29.http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2011/4/enacted/data.pdf.

30. (1) The Treasury must prepare a Financial Statement and Budget Report for each financial year … (3) The Treasury must lay each Financial Statement and Budget Report before Parliament. (4) The Treasury must publish each Financial Statement and Budget Report.

31. Например, показатели бюджета 2011 года были представлены Палате общин 23 марта 2011 г.

32. В частности, билль о финансах на 2010-2011 год был внесен в Палату Общин 28 июня 2010 года и получил одобрение, т.е. стал законом 27 июля 2010 года (http://services.parliament.uk/bills/2010-11/finance/stages.html); билль об ассигнованиях на 2010-2011 год был внесен 19 июля 2010 года и получил одобрение 27 июля 2010 года (http://services.parliament.uk/bills/2010-11/consolidatedfundappropriation/stages.html).

33. http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968/2/data.pdf.

34. in the case of a resolution passed in February or March in any year, one expiring with 5th August in the same calendar year.

35. Интересно отметить, что такая практика не применяется в Шотландии. В соответствии с Актом Шотландии о публичных финансах 2000 года в этой автономии в том случае, если Акт о бюджете не принят до начала финансового года, применяется традиционный для многих стран механизм временного управления бюджетом, когда финансирование осуществляется исходя из показателей бюджета прошлого года (Ст. 17 Public Finance and Accountability (Scotland) Act 2000).

36. Более подробно об этом см., напр.: Гутарова Н.А. Реализация права народов на самоопределение на примере Шотландии // Северо-Кавказский юридический вестник. 2010, №4.

37. http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/46/data.pdf.

38. http://www.legislation.gov.uk/asp/2000/1/data.pdf.

39. Блок-грант (грант для увеличения бюджетных доходов) в английском законодательстве означает форму финансовой помощи, которая выделяется ежегодно. Размер такого гранта определяется в несколько этапов: (1) в период, предшествующий определению суммы финансовой помощи, центральное правительство с учетом проекта центрального бюджета и прогноза макроэкономической ситуации устанавливает расходные нормативы для местных органов власти на планируемый год; (2) затем объем финансовой поддержки определяется прямым счетом как разница между суммой расходов бюджета муниципального образования, рассчитанной на основе расходных нормативов, и суммой доходов местного бюджета от закрепленных за ним доходных источников. Таким образом, ближайшим российским аналогом блок-гранта являются дотации.

40. Интересно отметить, что шотландскому Парламенту делегировано право изменять ставку налога на доходы (income tax) в целях формирования доходов бюджета автономии. Однако по меньшей мере до 2004 г. шотладнский Парламент этим правом не воспользовался.

41. Целевой грант – форма финансовой помощи. Если центральное правительство видит приоритетным финансирование какой-либо конкретной статьи местного бюджета, то выделяются средства в рамках целевого гранта, которые не могут быть потрачены на цели, отличающиеся от оговоренных в условиях гранта. Ближайший российский аналог целевого гранта – субвенции.

42. *Лапшина И.Е.* Формы взаимодействия центральных и местных органов управления Великобритании // ГиП. 2007. №5.

УДК 342.4

Хачанян С.В.

ЮРИДИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ: СОДЕРЖАНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Статья посвящена такой малоисследованной проблеме как конституционные коллизии. В статье рассматриваются основные виды конституционных коллизий, раскрывается их содержание и значение в конституционной практике, отмечаются актуальные проблемы преодоления конституционных противоречий.

The article is devoted to such it is not enough investigated to a problem as the constitutional collisions. In article principal views of the constitutional collisions are considered, their maintenance and value in the constitutional practice reveals, actual problems of overcoming of the constitutional contradictions are marked.

Ключевые слова: *юридическая коллизия, конституционные нормы, судебная практика, правопонимание, толкование, естественное право, национальная система права, юридическая сила.*

Key words: *a legal collision, the constitutional norms, judiciary practice, understanding of the law, the interpretation, the natural right, national system of the right, validity.*

В юридической теории одной из наиболее сложных методологических проблем является вопрос коллизионного права. Несмотря на то, что наиболее простые формы юридических противоречий разрешаются с помощью юридической иерархии нормативных правовых актов, существует множество видов правовых коллизий, вызывающих затруднение в их преодолении с позиции как чистой теории, так и правоприменительной практики. В связи с таким разнообразием теория права использует множество дефиниций и классификаций, определяющих содержание и разновидности юридических коллизий [1, с. 9-14].

В отрасли конституционного права также присутствуют коллизионные проблемы в правовом регулировании. При этом проблема конституционных противоречий усложняется тем, что они имеют определенную специфику и не всегда разрешаются традиционными методами коллизионного права. Особый характер конституционных норм и институтов определяет специфику содержания и понятие конституционных коллизий в отличие от коллизий в иных отраслей права.

Прежде всего, следует отметить, что под коллизией (столкновением, противоречием) в конституционном праве следует понимать не только прямое противопоставление формальных конституционных предписаний. Конечно, чаще всего прямые противоречия наблюдаются между нормами Конституции РФ и иными нормативными актами. В то же время юридические коллизии проявляются и в концептуальном содержании конституционных институтов, правовых практиках применения конституционных норм, пересечении сферы компетенций органов государственной власти, противоречиях в актах толкования конституционных норм и т.п.

В основу разделения конституционных коллизий могут быть положены разные основания и даны различные классификации. К примеру, конституционные коллизии могут быть юридическими и политическими. Политические конституционные коллизии включают: нарушение принципа разделения властей, выход различных госорганов за пределы своих полномочий, взаимное их вторжение в компетенцию друг друга, амбиции и соперничество лидеров, войну компроматов, лоббизм, популизм, конъюнктуру и т.д. [2]. К юридическим коллизиям [3] следует отнести: внутренние противоречия положений статей конституционных нормативных актов; конституционных нормативных актов, конституционных договоров между собой, между международными и национальными конституционными нормами, а также коллизии между конституционными правовыми актами, договорами и законами, подзаконными актами. В зависимости от этого конституционные коллизии можно подразделить на внутренние и межнормативные. Если противоречие возникает между положениями одного нормативного правового акта, то на лицо «внутренняя коллизия», если же юридическое противоречие охватывает положение двух и более нормативных правовых актов, то оно определяется как «межнормативное».

Судебный опыт разрешения «вертикальных коллизий» достаточно обширен, и правовые механизмы их преодоления в целом отработанны. Однако в некоторых случаях даже такие классические противоречия в нормативной структуре права вызывают определенные проблемы. Примером таких коллизий является положение статьи 79 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», устанавливающей, что постановления Конституционного Суда РФ окончательны и не подлежат дальнейшему обжалованию [4]. Вместе с тем конституционная норма ч. 3 ст. 46 Конституции РФ определяет право граждан «в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты». Как в этой связи отмечает В. Ершов, «с вступлением России в Совет Европы и ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод не только в теоретическом, но и в практическом плане возник вопрос о соответствии данного положения Федерального конституционного закона ч. 3 ст. 46 Конституции РФ» [5].

Не меньшие споры вызывает ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, определяющая, что общепризнанные принципы и нормы международного права и ратифицированные международные договоры являются составной частью правовой системы Российской

Федерации. Истолкование ч. 4 ст. 15 Конституции РФ как признание приоритета норм международного права над национальными может создавать крайне опасные ситуации юридического толкования. Например, положением ст. 3 Конституции РФ запрещен захват власти, а присвоение властных полномочий преследуется согласно Уголовному кодексу РФ. Таким образом, положения Конституции РФ исключают права народа на восстание. В то же время в приоритетах общепризнанных принципов и норм международного права, отраженных в том числе в преамбуле «Всеобщей декларации прав человека», упоминается о восстании как последнем средстве против тирании и угнетения [6]. Таким образом, возникает юридическая коллизия между основами конституционного строя и международным принципом. Ратификация международных договоров также не обеспечивает абсолютной защиты от последующего выявления юридических коллизий между одобренным Российской Федерацией международным договором и положениями Конституции РФ.Однако проблема юридических коллизий не исчерпывается противоречиями нормативных предписаний позитивного конституционного права. Юридические противоречия проявляются и между декларативными конституционными предписаниями и сложившейся практикой их применения. Такое своеобразное противоречие проявляется при искаженном толковании конституционных норм правоприменителем и формировании конституционной практики, что зачастую вызвано абстрактностью конституционных положений. Так ст. 15 Конституции РФ устанавливает, что Основной Закон страны является актом прямого действия. Это предполагает действие конституционных норм независимо от того, принят специальный закон, устанавливающий механизм их реализации, или нет. Достаточно ярким примером конституционной коллизии между юридическим предписанием и практикой является многолетняя практика применения ч. 3 ст. 59 Конституции РФ, установившей право граждан на осуществление альтернативной воинской службы. Отсутствие специального закона приводило к игнорированию данной конституционной нормы правоприменителем, а также к противоречивости судебного подхода к спору между гражданами и исполнительными органами власти [7]. Данное противоречие между конституционной нормой и сложившейся правоприменительной практикой было устранено только с принятием специального федерального закона [8].

Наиболее сложными с точки зрения юридической методологии, являются противоречия, складывающиеся между нормами позитивного и естественного конституционного права [9, с.32]. Поскольку конституционные нормы носят учредительный характер, определяют ключевые принципы построения и функционирования государства и его политической системы, их содержание всегда контролируется государственным аппаратом. Этот контроль накладывает юридическую цензуру на конституционное правотворчество, препятствуя признанию государством естественных конституционных норм в той мере, в которой политическая система общества тяготеет к авторитарным и тоталитарным началам или манипулятивной демократии. При этом полного отсутствия противоречий между позитивным и естественным конституционным правом не достигают даже самые развитые демократические государства. Например, в большинстве национальных систем конституционного права передовых западных государств не признается права общества на расторжение общественного договора народа с государственной властью (право на революцию), в то время как доктрина договорной теории права, предусматривающая такую возможность, положена в основу западной системы права и государства.

Определенная часть конституционных коллизий обусловлена правовыми пробелами в регламентации конституционных процедур, в том числе при досрочном прекращении полномочий Президента РФ по основанию стойкой неспособности осуществлять свои полномочия в связи с болезнью. Сам механизм реализации указанной нормы не раскрывается ни положениями Конституции Российской Федерации, ни Федеральным конституционным законом. Частично эту проблему решает Постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2000 г. № 12-П «По делу о толковании положений статей 91 и 92 (часть 2) Конституции Российской Федерации о досрочном прекращении полномочий Президента Российской Федерации в случае стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия», определяющее, что процедура досрочного прекращения полномочий Президента РФ по этому основанию не может быть упрощена по сравнению с процедурой отрешения от должности. Но и данное Постановление не разрешает вопроса, в каком порядке должна запрашиваться информация о состоянии здоровья Президента Российской Федерации [10]. В резуль-

тате такой неопределенности возникает противоречие между положением ч. 2 ст. 92 Конституции РФ, предусматривающей процедуру досрочного прекращения полномочий, и реальной конституционной практикой, в рамках которой реализация подобной процедуры становится невозможной вследствие формальной неопределенности.

Говоря о противоречии между официальным и реальным конституционным правопорядком, следует согласиться с Ю.А. Тихомировым, утверждающим, что «в отношении граждан к праву, закону кроются первопричины юридических коллизий» [11. с. 67]. Концептуальное правопонимание конституционных норм, формируемое под воздействием западно-либеральных реформ с одной стороны, и консервативных традиций российского общества, государства - с другой, рождает разночтения, выражающиеся в юридических практиках. В связи с этим можно говорить о выделении в конституционном праве особой разновидности юридических противоречий – «доктринальные коллизии» [12, с. 47]. Указанные коллизии в конституционных институтах сложны с точки зрения формальных процедур их преодоления и имеют важное значение для национальной правовой системы. Например, противоречие между заимствованнными американскими конституционными институтами и национальными правовыми традициями российского общества [13, с. 13-14] приводит к фактическому игнорированию ряда конституционных положений и, соответственно, широкому распространению конституционного нигилизма в российском обществе. Такое противоречие порождается разночтением в правопонимании содержательной части некоторых конституционных положений, с одной стороны, в западно-либеральной, с другой – в отечественной традициях.

Западно-либеральное мировоззрение опирается на единоличные гражданские права и свободы, делает ставку на общественную систему конституционного контроля. Отечественная политико-правовая традиция, напротив, акцентирует внимание на общественных правах и признает приоритет государственной системы конституционного контроля над контролем институтов гражданского общества. Западное представление о демократии основывается на деперсонализации власти, при наличии политической преемственности, в то время как отечественные конституционные институты направлены на сохранение персонификации верховной власти, гарантирующей стабильность политической системы. Подобные разночтения в концептуальном понимании конституционных институтов обусловливает формирование коллизионной связки, включающей разночтение интерпретаций конституционных институтов между обществом, официальными органами власти и субъектами международного сообщества. Таким образом, можно говорить о наличии противоречий между реальным и формальным конституционным правопорядком.

Причиной концептуальных противоречий является и разночтение целевых установок нормативных актов [14, с. 210], в том числе конституционных. «Конфликт правовых целей» не выражается прямым противоречием юридических предписаний, однако нормы-принципы, нормы-цели противоречат друг другу, что создает трудности в правоприменении. Скажем, спорным, по мнению некоторых исследователей, представляется полномочие Президента РФ по применению процедуры реализации конституционной ответственности в отношении законодательных (представительных) органов государственной власти субъекта РФ, которые могут быть распущены им в порядке п. 4 ст. 9 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». В данном случае просматривается противоречие между конституционной нормой-принципом ст. 10 Конституции РФ, устанавливающей принцип разделения властей, и правомочием Президента РФ, определенным положениями указанного закона [15]. Как отмечают в этой связи Н.М. Чепурнова и В.В.Пономарев, для Президента РФ «законодательно установлена возможность вмешательства в автономную деятельность не только другой ветви власти, но и другого уровня власти» [16, с.61].

В системе конституционного права можно выделить также конституционные противоречия в судебной практике, возникающие между позициями Конституционного Суда РФ и другими высшими судами. Так по вопросу прямого действия конституционных норм судами РФ в практике верховных судов РФ наблюдается некоторое разночтение. В частности, Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 г. (пункты 2 и 3) суд, разрешая дело, применяет непосредственно Конституцию РФ без обращения в Конституционный Суд, если он придет к убеждению, что федеральный закон, принятый после вступления в силу Конституции РФ, находится в противоречии с соответствующи-

ми положениями Конституции. И только в случае неопределенности в вопросе о том, соответствует ли Конституции РФ примененный или подлежащий применению по конкретному делу закон, он обращается в Конституционный Суд РФ с запросом о конституционности этого закона. Однако Конституционный Суд РФ в пункте 5 мотивировочной части постановления от 16.06.1998 г. по делу о толковании статей 125, 126, 127 Конституции РФ выразил иную позицию, согласно которой суд обязан обратиться с запросом в Конституционный Суд о проверке конституционности федерального закона.

Даже в позициях Конституционного Суда РФ конституционалисты усматривают определенные противоречия [17].

В некоторых случаях специалисты в области конституционного права выявляют косвенную коллизионность правовых позиций Конституционного Суда РФ и положений Конституции РФ. Так, В.О. Лучин отмечает, что Постановлением Конституционного Суда РФ от 30 апреля 1996 г. №11-П – «в России фактически восстанавливается практика указного правотворчества», причем «законодательные» указы нелегитимны изначально, поскольку сама возможность их принятия не предусмотрена Конституцией Российской Федерации [18].

На противоречие между конституционными нормами и актом толкования указывают другие специалисты в области конституционных отношений. К примеру, О.А. Поляков отмечает, что «в юридической практике хотя и редко, но все же встречаются коллизии между нормативными правовыми актами и актами толкования» [19]. При этом автор ссылается на Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 1998 г. № 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации» и особое мнение по данному делу судьи Конституционного Суда РФ Н.В. Витрука. По мнению судьи, «при представлении Президентом Российской Федерации одной и той же кандидатуры дважды, а тем более трижды Государственная Дума лишается права самостоятельного выбора, что гарантировано ей статьями 10 и 111 Конституции Российской Федерации, и, следовательно, она превращается в «орудие проведения воли главы государства» [20]. Смысл этой позиции разделяют и судьи Конституционного Суда РФ В.О. Лучин и В.И.Олейник.

Исследователями в области конституционного права также выделяются конституционные коллизии, возникающие в сфере властных компетенций между органами государственной власти. При этом «коллизии компетенций» проявляются не только между федеральными органами государственной власти, но и в отношениях органов государственной власти Российской Федерации с органами государственной власти субъектов РФ.

Таким образом, рассмотрение проблемы конституционных юридических коллизий позволяет сделать вывод об их разнообразии, сложности содержания и преодоления. Проблема конституционных противоречий обладает особой научной, а также практической значимостью и должна быть подвергнута системному анализу в рамках отрасли конституционного права.

Литература

1. См. например: *Стародубцева И.А.* Коллизии конституционного законодательства на уровне субъектов Российской Федерации. Воронеж, 2004.
2. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: Учебник. М., 2004.
3. В теории права в зависимости от основания классификации данные коллизии определяются как «формальные коллизии» или «вертикальные коллизии».
4. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (с изм. от 8 февраля, 15 декабря 2001 г., 7 июня 2004 г., 5 апреля 2005 г., 5 февраля 2007 г., 2 июня 2009 г., 3 ноября, 28 декабря 2010 г.) // Справочная правовая система «ГАРАНТ».
5. *Ершов В.* Признание нормативных правовых актов противоречащими Конституции РФ и федеральным законам: судебная практика // Российская юстиция. 2003. № 5.
6. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
7. Альтернативная гражданская служба: прошлое, настоящее, будущее/ *Калинин А.А., Маранов Р.В., Захарова Е.А.; Ред.: Захаров И.Г., Попова А.А.* М., 2000.
8. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» (с изм. от 22 августа 2004 г., 31 декабря 2005 г., 6 июля 2006 г., 9 марта 2010 г., 30 ноября 2011 г.) // Справочная правовая система «ГАРАНТ».
9. Например см.: *Баглай М. В.* Конституционное право Российской Федерации: Учебник. М., 1998.
10. Особое мнение Н.В.Витрука к Постановлению Конституционного Суда РФ от 11 июля 2000 г. № 12-П // Справочная правовая система «ГАРАНТ».
11. Коллизионное право: Учебное и научно-практическое пособие / *Тихомиров А.Ю.* М.: 2000.
12. *Загородский В.В.* Правовая культура в контексте прав и свобод человека и гражданина // Общество и право. 2009.

13. *Тихомиров А.Ю.* Юридическая коллизия. М., 1994.

14. См. например: *Матузов Н.И.* Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2002.

15. Следует отметить, что указанная конституционная коллизия не была признана Конституционным Судом РФ при рассмотрении упомянутых полномочий Президента РФ в Постановлении Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2002 г. № 8-П, и является сугубо научным толкованием.

16. *Чепурнова Н.М., Пономарев В.В.* Юридические коллизии в федеративных отношениях в Российской Федерации: конституционно-правовой механизм преодоления. Ростов-на-Дону, 2006.

17. *Карпов Д. В.* Споры о конституционности норм в судебной практике // http://www.yurclub.ru/docs/other/article55.html

18. Особое мнение *В.О. Лучина* к Постановлению Конституционного Суда РФ от 30 апреля 1996 г. №11-П // Справочная правовая система «ГАРАНТ».

19. *Поляков О.А.* Юридические коллизии: пути преодоления. Ставрополь, 2007.

20. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 1998 г. № 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации» // Справочная правовая система «ГАРАНТ».

УДК 343.13

Кузнецов В.В.

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ В СУДЕБНОМ СЛЕДСТВИИ

Статья посвящена актуальной теме, поскольку поддержание государственного обвинения в суде по уголовным делам является одним из приоритетных направлений прокурорской деятельности. Государственный обвинитель при рассмотрении в суде уголовного дела является единственным представителем государства, и именно на нем и лежит обязанность доказывания, и он осуществляет данное доказывание от имени государства. В статье определена роль государственного обвинителя на судебном следствии и обосновывается мнение, о том, что государственному обвинителю в судебном процессе следует знать и применять ряд тактических приемов., проведена серьезная работа по определению деятельности государственного обвинителя по предъявлению обвинения и исследования доказательств в уголовном процессе, как в советское время, так и в настоящее, согласно действующему законодательству. Автор аргументирует свою собственную точку зрения о том, что дача подсудимому разъяснений по изложенному государственным обвинителем обвинению со стороны председательствующего не будет нарушением УПК РФ.

The article under the title "Procedural Role of Public Prosecutor in Trial" is devoted to one of the most important problems of trial procedure. Government support to prosecution in trial has always been one of the main directions of public prosecutor's office activities. Public prosecutor in trial is the only representative of government. He bears the burden of proof and provides the evidence of proof in the name of government. The author determines the role of prosecution in trial and substantiates the opinion that public prosecutor in trial must know and apply various tactics. The author considers the procedural role of public prosecution in bringing an accusation and in investigating the evidence as it is stated in the working legislation of the RF and in Soviet legislation. The author argues that the provisions of the Criminal Procedure Code of RF are not violated when a presiding judge explains the charges produced by public prosecutor to an accused person.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, государственный обвинитель, предъявление обвинения, обязанность доказывания, принцип состязательности, суд, судебное следствие, представление доказательств, исследование доказательств, пределы доказывания.*

Key words: *trial procedure, public prosecutor, bringing an accusation, burden of proof, adversary in trial, court, court prosecution, producing the evidence, investigating the evidence, the limits of evidence.*